

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 497-511
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.497

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Administrative Culture of Suspicion: A Denunciation Campaign against the Newspaper “Kazakh”

Yerden Ye. Ibrayev ^a, Gulmira K. Nurushcheva ^{a, *}, Dmitriy M. Legkiy ^a, Akmaral Ye. Yeralina ^a

^aKostanay Regional University named after Akhmet Baitusynuly, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article, based on archival materials from the Orenburg Region State Archives, analyzes a little-known episode: the 1914 “denunciation campaign” against the editorial board of the Kazakh newspaper “Kazak” and its leaders, A. Baitursunov and M. Dulatov. Using source analysis and discourse analysis of administrative documents, the authors demonstrate that denunciation in late imperial Russia was not only a form of private political persecution but also part of an institutionalized mechanism of colonial surveillance.

Letters from “trusted Kyrgyz from the Turgai and Ural regions” sent to the Ministry of Internal Affairs and governor's offices demonstrate a strategy by which some of the local elite positioned themselves as loyal intermediaries between the “authorities” and the “ignorant masses”. The bureaucratic trajectory of these appeals – from local officials to the police department – is traced, revealing the depth of the inclusion of peripheral regions in the imperial surveillance system. A comparison of the texts of denunciations and official responses allows us to reconstruct the logic of imperial administrative culture, in which suspicion and denunciation became the primary instruments of control over the national outskirts.

Keywords: Russian Empire, political investigation, denunciation, newspaper “Kazakh”, Akhmet Baitursynov, Myrzhakyp Dulatov, colonial policy, bureaucratic control.

1. Введение

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной историографии наблюдается возрастающий интерес к исследованию механизмов политического контроля и надзора в Российской империи конца XIX – начала XX века. Особое внимание уделяется изучению практик доноительства и информационных коммуникаций между центром и периферией, которые обеспечивали функционирование имперской власти в многонациональном пространстве.

В контексте казахской истории начала XX века эта проблематика приобретает особое значение. Именно в этот период формируется новая общественная и интеллектуальная элита, объединённая вокруг печатных изданий – прежде всего газеты «Казакъ» (Оренбург, 1913–1918). Это издание стало не только медиатором модернизационных идей, но и объектом постоянного внимания со стороны имперских властей и полицейского сыска.

Одним из наименее изученных эпизодов в истории «Казакъ» является серия доносов 1914 года, направленных против редакции газеты и её основателей Ахмета Байтурсынова и Мыржакыпа Дулатова. Эти документы – «прошения доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей» на имя министра внутренних дел Н.А. Маклакова и оренбургского губернатора Н.А. Сухомлинова – представляют собой уникальные свидетельства того, как внутри имперской системы формировались механизмы лояльности и подозрения, переплетающие интересы колониальной администрации и местной элиты.

* Corresponding author

E-mail addresses: erden-ibraev@mail.ru (Ye.Ye. Ibrayev), nauka_istkaz@mail.ru (G.K. Nurushcheva), Legk_d@mail.ru (D.M. Legkiy)

Исследовательская проблема заключается в выявлении и интерпретации механизмов политического доноительства как формы административного надзора в колониальных регионах Российской империи на примере кампании доносов против редакции газеты «Казакъ» (1914 год).

В научной литературе до сих пор отсутствует специальное исследование, рассматривающее эти документы не как отдельный эпизод общественной борьбы, а как источник по истории имперского бюрократического контроля и «внутренней колонизации» (Эткинд, 2013). Настоящая работа предлагает анализ этой практики в контексте взаимодействия центра и периферии, языка власти и подданнической речи, создавая тем самым новое поле для интерпретации колониального опыта позднимперской эпохи.

Цель настоящей статьи – на основе комплексного источниковедческого анализа выявленных документов показать, каким образом донос функционировал как инструмент колониального контроля и как его бюрократическая обработка отражала особенности взаимодействия между центром и периферией. Задачами исследования являются:

1. Реконструкция хронологии и содержания «кампании доносов» 1914 года;
2. Определение социального происхождения и мотивации авторов обращений;
3. Анализ нарративных стратегий текстов доносов и ответов властей;
4. Выявление роли доноса как элемента административной и идеологической практики Российской империи в её национальных окраинах.

Исследование опирается на документы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4), сопоставленные с материалами Департамента полиции и перепиской губернаторских управлений. Методологическую основу составляют подходы исторической антропологии государства, дискурс-анализа административных текстов и концепция внутреннего колониализма (А. Эткинд, С. Королев).

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы данного исследования составляют материалы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) (Оренбург, Российская Федерация), фонд 21, опись 9, дело 4, предоставленные профессором Абсадык А.А. Комплекс документов охватывает период с августа по ноябрь 1914 года и включает свыше десяти официальных бумаг – прошений, писем, рапортов и резолюций, связанных с доносами на редакцию газеты «Казакъ» и её руководителей Ахмета Байтурсынова и Мыржакыпа Дулатова.

Ключевыми текстами являются два анонимных «прошения доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей»: первое – на имя министра внутренних дел Н.А. Маклакова (30 августа 1914 года), второе – оренбургскому губернатору Н.А. Сухомлинову (2 сентября 1914 года). Эти документы заверены начальником Оренбургского губернского жандармского управления генерал-лейтенантом Г.П. Бабичем и сопровождаются обширной бюрократической перепиской, в том числе письмами губернаторов и циркулярами Департамента полиции (октябрь – ноябрь 1914 года).

Содержательно данный корпус представляет собой редкий пример колониальной коммуникации между периферией и центром Российской империи. В текстах отчётливо проявляются механизмы языкового посредничества и административного перевода, когда частные жалобы превращались в документы государственного значения. Важно, что в них сочетаются черты личного доноса (обвинения во «вредной деятельности», «ложном учении», «обмане киргизского народа») и бюрократического жанра с устойчивыми оборотами «всепокорнейше просим» и «разбить всю шайку».

Помимо архивных источников, в работе использованы опубликованные материалы и исследования, позволяющие соотнести выявленные документы с политическим контекстом эпохи. Это, прежде всего, труды о газете «Казакъ» и движении Алаш (М. Койгельдиев, К. Нурпейсов, А. Абсадыков), а также современные исследования о практике доноительства и полицейского надзора в Российской империи (А. Эткинд, С. Королев). Такое сочетание архивных и историографических источников позволяет рассматривать феномен доноса не изолированно, а как элемент широкой системы имперского наблюдения.

В методологическом отношении исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий источниковедческий анализ, дискурс-анализ административных текстов и концепции исторической антропологии государства.

1. Источниковедческий анализ применяется для выявления происхождения, жанровой специфики и подлинности документов. Анонимность «доверенных киргиз» рассматривается как сознательная стратегия самосокрытия, указывающая на страх перед репрессивным аппаратом и одновременно на внутреннюю включенность авторов в колониальную систему.

2. Дискурс-анализ позволяет раскрыть структуру языка доноса: формулы лояльности, образы врага, риторические конструкции страха и просьбы. Внимание уделено тому, как текстуально конструируется понятие «вредной деятельности» и каким образом власть воспроизводит язык подозрения через административные ответы.

3. Антропология государства и теория внутреннего колониализма (А. Эткинд, С. Королев) дают возможность рассматривать донос не только как коммуникацию между гражданином и властью, но и как форму вовлечения периферийных сообществ в дисциплинарную систему империи.

Комбинация этих подходов позволяет трактовать документы 1914 года не как случайный эпизод, а как проявление более широкой практики имперского управления, где донос выступал посредником между частной враждой и государственной репрессией.

Таким образом, архивный комплекс, представленный в деле ГАОО (Ф. 21. Оп. 9. Д. 4), имеет двойную значимость: с одной стороны, как уникальный исторический источник, позволяющий реконструировать конкретный случай политического давления на казахскую интеллигенцию; с другой – как текстуальное свидетельство функционирования имперского механизма подозрения в условиях нарастающего кризиса колониальной системы управления накануне Первой мировой войны.

3. Обсуждение

Проблематика политического надзора и доносительства в колониальных обществах в последние десятилетия активно обсуждается в мировой историографии. Работы Б. Андерсон (Anderson, 2006), Э.Л. Столер (Stoler, 2009) и Т. Баллантайн (Ballantyne, 2012) обращают внимание на роль письменных практик как инструмента имперского управления и конструирования лояльности. Подобный подход разделяют Дж. Бербанк и Ф. Купер (Burbank, Cooper, 2010), рассматривающие империю как систему административных технологий, обеспечивающих господство через текст и архив. Авторы Д.Р. Брауэр и Э.Дж. Лаззерини в своём труде (Brower, Lazzerini, 1997) рассматривают бюрократические практики как часть более широкой логики имперской идентичности.

Настоящее исследование продолжает этот дискуссионный ряд, предлагая рассмотреть кампанию доносов против газеты «Казакъ» как локальное проявление универсального имперского механизма письменного контроля.

Архивные материалы, положенные в основу настоящего исследования, впервые были введены в научный оборот А.А. Абсадык в статье «Газета “Казакъ” и её оппоненты в казахском обществе в годы Первой мировой войны» (Absadyk et al., 2022). В указанной работе были выявлены ключевые документы Оренбургского губернского жандармского управления – прошения «доверенных киргиз» Тургайской и Уральской областей и переписка между губернатором Н.А. Сухомлиновым и начальником управления Г.П. Бабичем. Эти источники заложили основу для дальнейшего анализа механизмов политического контроля в колониальной степи.

Настоящее исследование опирается на тот же корпус архивных документов, но рассматривает их не в контексте общественной полемики, а как пример функционирования имперского механизма подозрения – особой административной практики, через которую Российская империя осуществляла власть на периферии. Такой подход позволяет соединить источниковедческий анализ с концепцией «внутренней колонизации» (Эткинд, 2013) и социально-философским пониманием доноса как формы взаимодействия подданного и государства (Королев, 1996).

История доносов против редакции газеты «Казакъ» вписывается в более широкий контекст имперских практик политического контроля, о чём в последние десятилетия писал ряд исследователей. Прежде всего, А.В. Эткинд, развивая концепцию «внутренней колонизации», показал, что Российская империя выстраивала систему надзора не только по отношению к инородческим окраинам, но и внутри самого русского общества, распространяя метафору колониального управления на всю территорию империи (Эткинд, 2013). В этой логике Казахская степь выступала не просто периферией, а пространством, где административные практики подозрения и контроля проявлялись наиболее откровенно.

Материалы архивного дела против Байтурсынова и Дулатова подтверждают наблюдение Эткинды: империя стремилась управлять через текст – создавая письменные свидетельства о лояльности и отклонении. Донос как жанр административного письма становился частью этого текстуального порядка. В исследовании С.А. Королёва (Королев, 1996) отмечается, что донос в российской культуре был не только моральным или правовым явлением, но и формой самовыражения в условиях дефицита публичного диалога. Для подданного империи жалоба и донос часто совпадали: оба становились средствами включения в коммуникацию с властью.

Исследования новейшего времени дополняют эту картину конкретными примерами полицейской практики. Так, современные исследования казахстанских авторов показали, что ещё в 1907–1910 годах Ахмет Байтурсынов находился под негласным надзором оренбургского отделения охранного отделения, причём система наблюдения продолжала действовать и после снятия прямых обвинений (Ибраев и др., 2022). Этот вывод особенно важен для понимания контекста 1914 года: доносы против редакции «Казакъ» стали не началом, а продолжением длительного процесса наблюдения за формирующейся казахской интеллигенцией.

Публикация Д.М. Легкого, Е.Е. Ибраева и др. (Legkiy et al., 2024) позволяет реконструировать реакцию русской либеральной общественности на арест Байтурсынова в 1909 году. Эти документы раскрывают важный аспект политического поля империи – существование каналов общественной защиты, обращённых к власти теми же инструментами письма, что и доносы. Таким образом, система

контроля порождала зеркальные формы обращения – жалобы, прошения, петиции, – которые лишь усиливали документальную власть государства.

Контекст казахского движения начала XX века, подробно исследованный К.Н. Нурпеисовым (Нурпеисов, 1995) и М.К. Койгельдиевым (Койгельдиев, 2008), помогает понять, почему именно «Казакъ» оказался в центре внимания полицейских структур. Газета выполняла функцию символического объединителя нового слоя национальной интеллигенции, стремившейся к модернизации и политическому самоопределению. Однако для имперской администрации сама идея организованной публичности, выходящей за рамки чиновничьей иерархии, воспринималась как угроза стабильности.

Соединение этих подходов – социально-философского анализа доноса (Королев, 1996), теории «внутренней колонизации» (Эткинд, 2013) и конкретных архивных кейсов (Ибраев и др., 2022; Legkiy et al., 2024) – позволяет рассматривать дело против «Казакъ» как пример действия колониального механизма подозрения. Империя не ограничивалась цензурой текстов, она конструировала сеть наблюдения, где подданные становились свидетелями друг против друга.

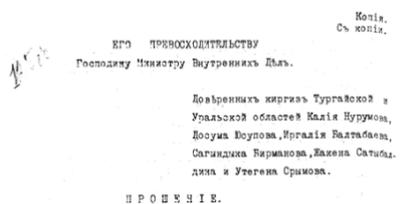
В этом смысле донос – не только источник информации для власти, но и часть самой властной структуры. Как показал Эткинд, в имперской культуре контроль осуществлялся через постоянное производство письменных свидетельств: отчётов, рапортов, жалоб. В казахском случае эта система проявилась особенно отчётливо: на стыке языков, правовых кодов и административных практик.

Таким образом, история кампании доносов против «Казакъ» в 1914 году демонстрирует, как колониальная империя воспроизводила себя через письмо. Архивные документы, исследованные современными авторами, свидетельствуют, что власть не только фиксировала проявления нелояльности, но и создавалась из самой возможности подозрения.

4. Результаты

4.1. Кампания доносов 1914 года: хронология и участники

Поступившие в августе-сентябре 1914 года доносы на редакцию газеты «Казакъ» представляют собой один из наиболее показательных примеров того, как в системе колониального управления Российской империи функционировал механизм политического сыска. Уже в первые недели после начала Первой мировой войны Департамент полиции, обеспокоенный возможными проявлениями нелояльности в национальных окраинах, усилил наблюдение за мусульманской прессой. В этом контексте газета «Казакъ», объединявшая ведущих представителей казахской интеллигенции – Ахмета Байтурсынова, Мыржақыпа Дулатова и Алихана Букейханова, – оказалась в центре внимания жандармского надзора.

В г. Оренбург издаётся киргизская газета "Казакъ". Редактор этой газеты киргиз Ахмет Байтурсынов, а секретарь по газетному делу киргиз Мизь-Чуль Дулатов. Казь Байтурсынов, такъ и Дулатовъ посланы быи Семипалатинскимъ Губернаторомъ и оба отбыли терпимо заключеніи, административную посылку, ильваръ полициі за малое то діло. Несмотря на такую порочность нѣ удалось получить разрѣшеніе на давать въ Оренбургѣ названную газету. Имъ помогли въ этомъ ділѣ бы паніоны по изданію газеты и единиченіици – цензоръ мусульманскихъ изданій чечеводчикъ Тургайскаго Областного Правленія Мухамедьяръ ТУНГАНЧИЕВЪ и секретарь Оренбургскаго Окружнаго Суда киргизъ Сейта-ымъ КАДЫРБАЕВЪ, которые, одумъ въ учрежденіи, вѣдѣвшихъ киргизскихъ ділѣми, и постоянно спалкиваеы съ послѣдними, дамо-таки обѣдали ихъ помощъ отчитѣ газету казь редакторомъ Байтурсынова и многѣ киргизъ заставляя состоятъ подзѣнкими подписочками. При этомъ они /названные чиновники/ постарались окрѣпить преступное проваие Байтурсынова и Дулатова. Зѣтымъ поддержали прозѣдшихъ своимъ вліяніемъ на киргизъ чевеводчикъ Оренбургскаго Окружнаго Суда Валгилибаевъ и секретарь Тенгискаго Съѣзда Крестьянскихъ Начальниковъ Уральской области Ватиринъ ИСМКАНОВЪ, которые пропитаны съи же идеями, ижники Байтурсыновъ и Дулатовъ. Распространяли посылки подъ прикрѣпѣмъ названныхъ чиновниковъ илии таковыи:

1/ Что киргизамъ не слѣдуетъ просить землеустроителю, ибо всё тѣ переселенци, которые въ настоящее время сидѣтъ на ихъ землѣ, должни уйти. Для того не надо имѣтъ никакихъ гражданско-имущественныхъ отпосеній, не надо отдавать имъ /переселенцамъ/ въ аренду землю, не по-

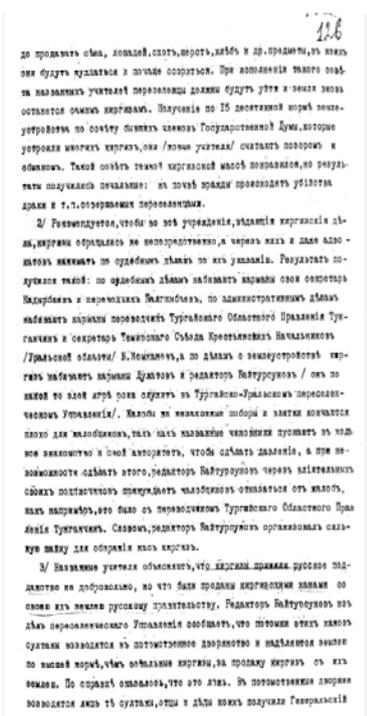

Рис. 1, 2. Копия «Прошения» за подписью «доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей» от 30 августа 1914 года на имя министра внутренних дел Н.А. Маклакова, заверенная начальником Оренбургского губернского жандармского управления Г.П. Бабичем

Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125-126.

Первые доносы поступили 30 августа 1914 года. Документ, озаглавленный как «Прошение доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей», был адресован министру внутренних дел Н.А. Маклакову. Он заверен начальником Оренбургского губернского жандармского управления генерал-лейтенантом Г.П. Бабичем и содержит прямые обвинения против редакции газеты: «Редактор этой газеты киргиз Ахмет Байтурсунов, а секретарь по газетному делу киргиз Мир-Якуп Дулатов... несмотря на такую порочность им удалось получить разрешение издавать в Оренбурге названную газету» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125).

В прошении фигурирует широкий спектр обвинений – от «взятков и незаконных поборов» до «разжигания вражды между киргизами и переселенцами». Особое внимание авторы обращают на якобы «вредное влияние» газеты на крестьянскую политику и на «ложные советы» Байтурсунова о землеустройстве: «Киргизам не следует просить землеустройства... При исполнении такого совета учителей переселенцы должны будут уйти и земля вновь останется самим киргизам» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 126).

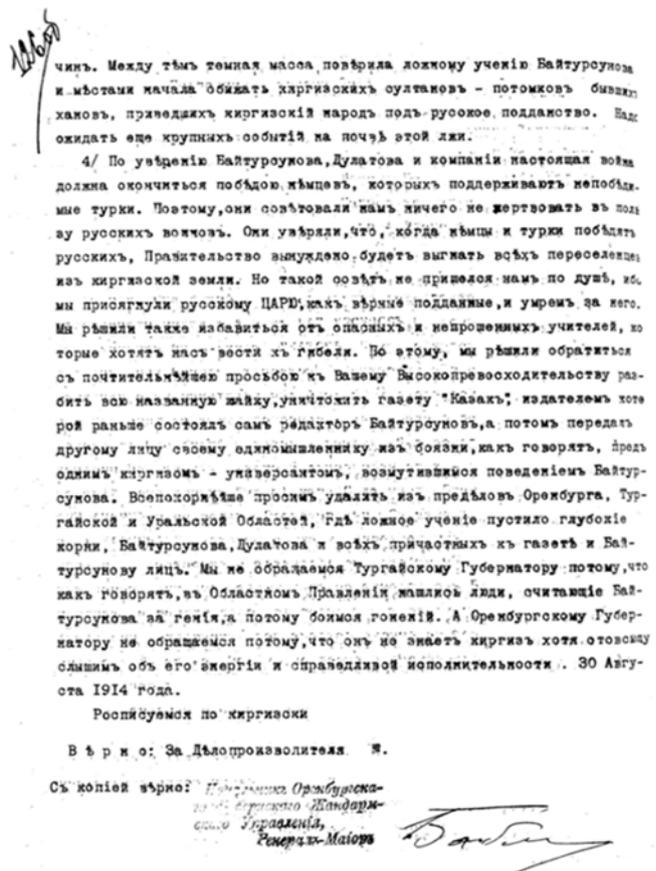

Рис. 3. Копия «Прошения» за подписью «доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей» от 30 августа 1914 года на имя министра внутренних дел Н.А. Маклакова, заверенная начальником Оренбургского губернского жандармского управления Г.П. Бабичем
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 126об.

Через несколько дней, 2 сентября 1914 года, аналогичное прошение направляется Оренбургскому губернатору Н.А. Сухомлинову и поступает в канцелярию 6 сентября (входящий № 9844). Документ подписан группой лиц: «Калий Нурумов, Досум Юсупов, Иргали Балтабаев, Сагындык Бирманов, Жокен Сатыбалдин, Утеген Срымов» – и представляет собой более развернутую версию первого доноса. Здесь вновь повторяются обвинения в «противоправительственной деятельности» и добавляются новые мотивы, отражающие текущий политический контекст: «Редактор Байтурсунов и его помощник Дулатов... учат нас, что настоящая война окончится победой немцев, ибо за последних заступились непобедимые турки, поэтому молиться за русских не надо» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 118–118об.).

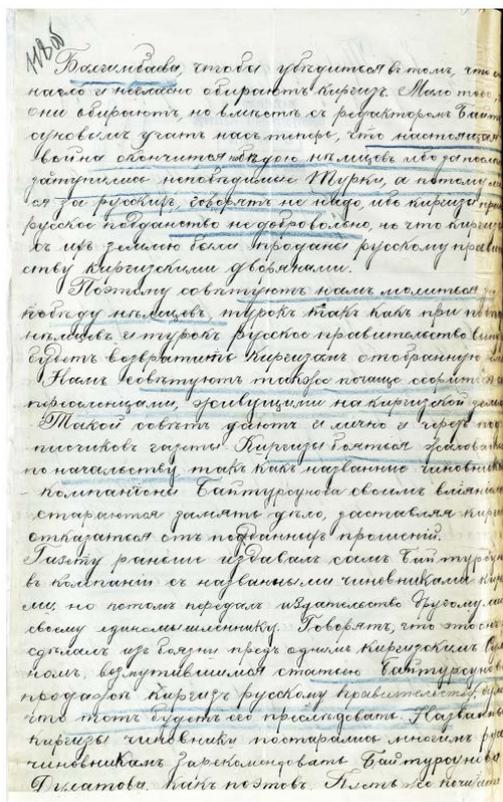
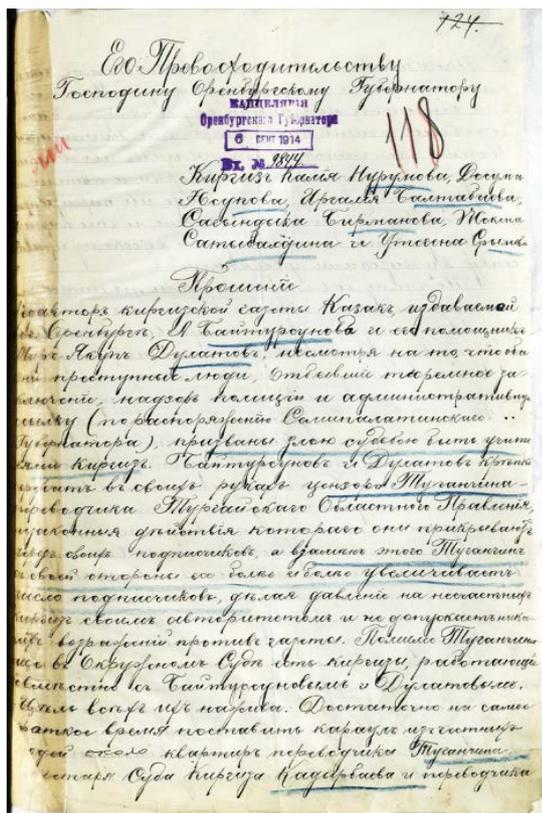

Рис. 4, 5. «Прошение» за подписью «доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей» на имя Оренбургского губернатора Н.А. Сухомлинова от 2 сентября 1914 года
 Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 118–118об.

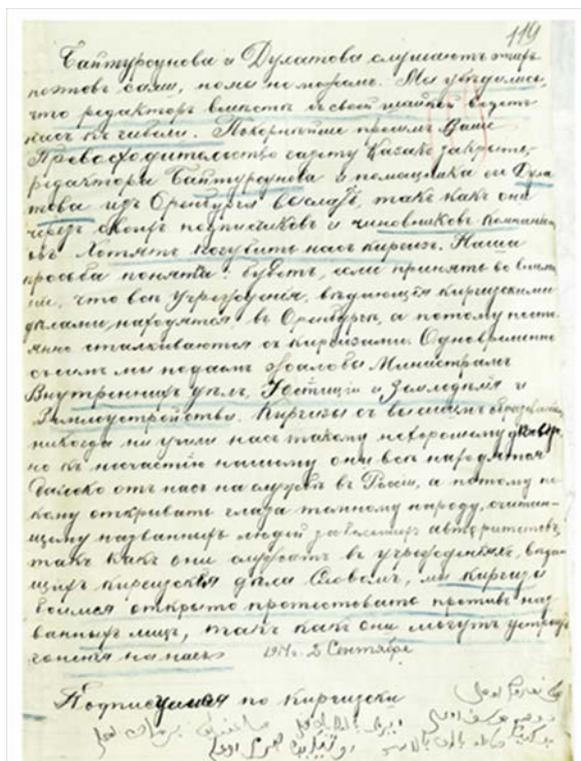

Рис. 6. «Прошение» за подписью «доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей» на имя Оренбургского губернатора Н.А. Сухомлинова от 2 сентября 1914 года
 Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 119.

Такие утверждения, очевидно не соответствовавшие действительности, были рассчитаны на то, чтобы вызвать подозрение в нелояльности мусульманского населения в условиях военного времени. В текстах доносов сочетаются элементы личной вражды, страх перед реформами и риторика имперской лояльности. Авторы не только обвиняют Байтурсынова и Дулатова, но и демонстрируют подчеркнутое подданническое усердие:

«Мы присягнули русскому Царю, как верные подданные, и умрем за него... Всепокорнейше просим уничтожить газету “Казакъ” и удалить её редакторов из пределов Оренбурга и Тургайской области» (ГАОО. Ф.21. Оп. 9. Д. 4. Л. 119).

С точки зрения социальной принадлежности, заявители, по всей видимости, представляли прослойку потомственной казахской знати, обеспокоенной утратой традиционных привилегий. В тексте неоднократно звучат жалобы на «ложное учение» Байтурсынова, будто бы подрывающее авторитет потомков ханов и султанов. Подобная аргументация свидетельствует, что донос выступал не только инструментом репрессивного контроля, но и средством внутриэлитной борьбы, в которой часть казахской аристократии стремилась использовать имперскую бюрократию для подавления нового национального движения.

Реакция властей на полученные доносы была незамедлительной. Уже 8 сентября 1914 года оренбургский губернатор Н.А. Сухомлинов направляет начальнику губернского жандармского управления Г.П. Бабичу секретное предписание: «Прошу Ваше Превосходительство произвести по содержанию прошения негласное расследование, о результатах которого меня уведомить» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 117).

Рис. 7. Письмо Оренбургского губернатора Н.А. Сухомлинова начальнику Оренбургского Губернского Жандармского Управления Г.П. Бабичу от 8 сентября 1914 года
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 117.

В дальнейшем документы проходят через все уровни имперской бюрократии. 4 октября 1914 года Департамент полиции направляет копию прошения тургайскому губернатору М.М. Эверсману с поручением сообщить «необходимые сведения по содержанию прилагаемого прошения для доклада г. министру внутренних дел». Таким образом, частное обращение провинциальных «доверенных киргиз» превратилось в дело государственного значения, попавшее в орбиту центральных ведомств.

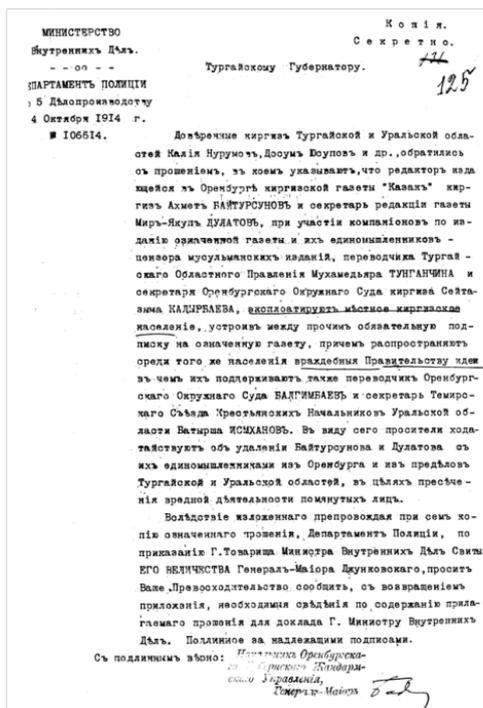

Рис. 8. Распоряжение Департамента полиции по 5 делопроизводству МВД от 4 октября 1914 года за № 10664, заверенное начальником Оренбургского губернского жандармского управления Г.П. Баби́чем для Тургайского губернатора М.М. Эверсмана
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125

Однако уже на стадии проверки жандармское управление выражает сомнение в подлинности обращений. В докладе Г.П. Баби́ча от конца октября 1914 года говорится: «По прошению киргиз Нарумова и др. ведётся негласное наблюдение за Байтурсуновым и Дулатовым... но приступить к переписке невозможно, так как неизвестны адреса заявителей и они никому здесь неизвестны» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 123).

Позднее, в письме от 24 ноября 1914 года, тот же чиновник прямо указывает на анонимность и, вероятно, фиктивность авторов: «Означенные в прошении доверенные, очевидно желая укрыть себя, не указывают своих адресов и не говорят от какого они уезда, волости или аула... фамилии же их никому из местных обывателей не известны» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 127).

Рис. 9. Письмо за № 6785 Оренбургского Губернатора Н.А. Сухомлинова начальнику Оренбургского Губернского Жандармского Управления Г.П. Баби́чу, полученное 26 октября 1914 года
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 122.

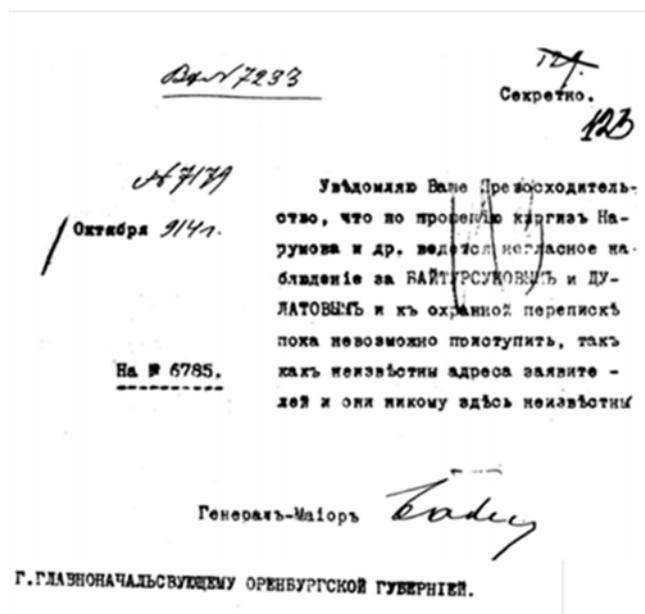

Рис. 10. Уведомление начальника Оренбургского губернского жандармского управления, генерал-майора Г.П. Бабича г. Главного начальствующему Оренбургской губернии Н.А. Сухомлинову, конец октября 1914 года (№ 7179 на № 6785)
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 123.

Тем не менее, несмотря на сомнение в достоверности, надзор за Байтурсыновым и Дулатовым был установлен и сохранялся вплоть до 1916 года. Это свидетельствует о том, что сама структура имперской власти превращала донос в инструмент продолженного контроля, независимо от его истинности.

Рассмотрим теперь, кто мог стоять за этой серией обращений и какую роль донос играл в структуре внутрисоциальных конфликтов.

Анализ языка и структуры жалоб позволяет предположить, что инициатором выступал человек, принадлежавший к знатному роду, имевший высшее образование и административный опыт – сочетание, крайне редкое для казахской среды начала XX века (Absadyk et al., 2022: 1474). В тексте обращений встречаются выражения, указывающие на принадлежность автора к потомкам ханской династии, а также упоминания о «бывшем члене Государственной Думы», обсуждавшем с правительственными чиновниками вопрос земельных наделов для казахов. Такие детали позволяют предположить участие Бакытжана Каратаева – потомка хана Младшего жуза Абулхаира, выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета, депутата II Государственной думы и одного из организаторов газеты «Казахстан» (Боранбаева, 2014: 85). Его публицистическая деятельность в журнале «Айкап» и поддержка идеи оседлого образа жизни известны как выражение особой модернизаторской программы, отличной от позиции редакции «Казакъ», выступавшей за сохранение кочевого хозяйства как формы защиты земельных прав (Absadyk et al., 2022: 1474).

В свете этих расхождений конфликт между Байтурсыновым и Каратаевым можно рассматривать не только как личное противостояние, но и как проявление внутреннего идейного раскола в среде казахской элиты, усугублённого колониальной ситуацией. Донос в этом контексте становился не только инструментом имперской администрации, но и средством внутрисоциальной борьбы, встраивавшимся в общую систему письменных обращений к власти. Подобная двойственность – слияние личных, родовых и политических мотивов с бюрократическими практиками – показывает, насколько глубоко имперский механизм подозрения проникал в локальные сообщества.

Таким образом, события 1914 года показывают, как взаимодействие частной инициативы и государственного аппарата создавало устойчивый механизм политического давления. Для местных элит донос становился способом демонстрации лояльности и защиты сословных интересов; для имперской администрации – формой поддержания дисциплины и наблюдения в периферийных регионах. «Кампания доносов» против газеты «Казакъ» – это не случайный эпизод, а симптом системного процесса, в котором письменное обвинение превращалось в бюрократический акт воспроизводства власти.

4.2. Донос как текст: риторика лояльности и подозрения

Анализ языка и структуры доносов 1914 года позволяет рассматривать их не только как административные документы, но и как особый политический текст, в котором проявляются

механизмы колониальной коммуникации между подданным и властью. Эти прошения представляют собой тщательно сконструированные нарративы, направленные на то, чтобы убедить имперскую администрацию в существовании «вредных элементов» внутри казахского общества и одновременно подчеркнуть безусловную лояльность самих заявителей.

В жанровом отношении тексты доносов сохраняют форму традиционного прошения, но их смысловое наполнение демонстрирует переход от личной жалобы к политическому обвинению. Уже первая фраза письма от 30 августа 1914 года задаёт эмоциональный и идеологический тон: «Редактор этой газеты киргиз Ахмет Байтурсунов, а секретарь по газетному делу киргиз Мир-Якуп Дулатов... несмотря на такую порочность, им удалось получить разрешение издавать в Оренбурге названную газету».

Риторическая конструкция «несмотря на порочность» создаёт двойной эффект: она формирует образ «незаслуженного позволения» и одновременно маркирует редакторов «Казакъ» как «морально неблагонадёжных». Подобный приём характерен для имперского языка доносительства, где моральное осуждение замещает юридическое доказательство.

Другой устойчивый мотив – патриотическая саморепрезентация авторов как «верных подданных». В обоих прошениях встречается идентичная формула: «Мы присягнули русскому Царю, как верные подданные, и умрём за него».

Эта декларация лояльности выполняет прагматическую функцию – легитимирует донос как акт гражданского долга. При этом она контрастирует с резкими обвинениями против «вредных учителей», «шайки» и «ложного учения». Таким образом, текст строится на риторике подозрения, где каждый признак просвещения или политической активности приравнивается к измене.

Особое внимание заслуживает лексика страха и просьбы. Авторы не только выражают «преданность», но и конструируют собственную уязвимость, представляя себя жертвами влияния Байтурсунова: «Мы боимся открыто протестовать против названных лиц, так как они могут устроить гонения на нас» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 121).

Эта фраза показывает, как в языке доноса переплетаются подчинение и агрессия: жалобщики позиционируют себя как беззащитных подданных, но одновременно требуют от власти «разбить всю шайку» и «уничтожить газету». Таким образом, покорность превращается в аргумент для репрессии.

Центральный образ, формирующий дискурсивную структуру текста, – оппозиция между «тёмной массой» и «ложными учителями». Авторы доносов утверждают, что Байтурсунов и Дулатов «вводят народ в заблуждение» и «сеют вражду между киргизами и переселенцами». Эта бинарная схема полностью совпадает с официальным нарративом имперской власти, представлявшей любые формы национального самосознания как проявление «вредного фанатизма». Следовательно, донос воспроизводит язык метрополии в устах местных подданных, что делает его инструментом культурного самоколонизирования.

Интересно, что в письме от 2 сентября 1914 года появляются новые элементы политической мифологии – страшилка о «победе немцев и турок» и «запрете молиться за русских». Эта фраза имеет символический характер: «Редактор Байтурсунов и его помощник Дулатов учат нас, что настоящая война окончится победой немцев, ибо за последних заступились непобедимые турки».

Подобный сюжет не отражает реальных событий, но воспроизводит дискурс измены, востребованный в период военной мобилизации. Он демонстрирует, как в условиях Первой мировой войны имперская администрация поощряла доносы, содержащие идеологические клише о «мусульманской опасности».

Анализ речевых стратегий позволяет выделить три ключевых компонента дискурса доносов:

1. Декларативная лояльность – повторение подданных формул и апелляция к царю как к верховному гаранту справедливости.
2. Моральная дискредитация – использование терминов «порочность», «шайка», «ложное учение», заменяющих юридическую аргументацию.
3. Текст страха – нарратив собственной уязвимости, создающий легитимацию для репрессивных мер.

Все эти элементы формируют типичную для позднеимперской эпохи риторику подозрения, при которой письменное обращение к власти становилось не столько сообщением о преступлении, сколько способом воспроизводства административного контроля.

Важно подчеркнуть, что чиновники, анализировавшие эти письма, сами использовали аналогичный язык. В отчётах генерал-майора Г.П. Бабича повторяются выражения «вредная деятельность», «влияние на киргизскую массу», «тенденциозная окраска газеты». Тем самым донос не только информировал власть, но и встраивался в её дискурсивное поле, становясь частью бюрократической системы производства знания о подданных.

Таким образом, тексты доносов 1914 года демонстрируют двойную функцию языка колониального управления: с одной стороны, речь покорности, направленная снизу вверх; с другой – речь подозрения, циркулирующая внутри самой имперской администрации.

Именно эта взаимозависимость делает донос не частным эпизодом, а элементом структурного взаимодействия между подчинёнными и властью, где текст становится медиатором репрессии.

4.3. Реакция имперских властей и бюрократическая обработка доносов

Административная реакция на поступившие доносы в 1914 году раскрывает характерную для позднеимперской бюрократии логику автоматического воспроизводства подозрения. Несмотря на сомнительный характер обращений и их явную анонимность, каждое письмо становилось поводом для целой цепочки служебных переписок, циркуляров и расследований. Таким образом, донос, даже не обладая признаками достоверности, функционировал как триггер бюрократического действия, неизбежно запуская процедуру надзора.

Уже 8 сентября 1914 года, спустя менее чем неделю после получения «Прошения доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей», оренбургский губернатор Н.А. Сухомлинов направил секретное предписание начальнику губернского жандармского управления Г.П. Бабичу:

«Прошу Ваше Превосходительство произвести по содержанию прошения негласное расследование, о результатах которого меня уведомить» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 117).

Тем самым частное заявление немедленно было переведено в регистр полицейского дознания. Уже через десять дней на документе появляется отметка: «Получено 18 сентября 1914 г. Оренбургским губернным жандармским управлением». Эта скорость показывает, что бюрократический механизм политического контроля в периферийных губерниях действовал с высокой степенью автоматизма и подчинённости вертикали МВД.

Следующим звеном в цепочке стало распоряжение Департамента полиции, поступившее 4 октября 1914 года (№ 106614) и подписанное «по приказанию Товарища Министра внутренних дел, генерал-майора Джунковского». В нём требовалось «сообщить необходимые сведения по содержанию прилагаемого прошения для доклада г. Министру внутренних дел». Документ заверен подписью Г.П. Бабича и направлен тургайскому губернатору М.М. Эверсману (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125).

Тем самым донос, исходивший якобы от группы «доверенных киргиз», стал предметом внимания сразу трёх уровней власти – губернского, областного и центрального. Бюрократическая логика требовала не столько проверки фактов, сколько формального отчёта о реакции, что придавало делу государственный масштаб.

Параллельно шла внутренняя переписка между губернаторами. 26 октября 1914 года Н.А. Сухомлинов вновь обращается к Г.П. Бабичу с требованием: «Прошу уведомить меня о результатах расследования по прошению киргиз Нарумова и других о вредной деятельности Байтурсунова, Дулатова и прочих» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 122).

В ответном письме (№ 7179) генерал-майор Бабиш сообщает:

«Ведётся негласное наблюдение за Байтурсуновым и Дулатовым, но к охранной переписке пока приступить невозможно, так как неизвестны адреса заявителей, и они никому здесь неизвестны» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 123).

Эта формулировка особенно показательна: признавая отсутствие реальных авторов, власть, тем не менее, сохраняла наблюдение за лицами, упомянутыми в доносе. Таким образом, ложное обвинение не теряло юридической силы, а напротив, – становилось основанием для легитимного контроля.

5 ноября 1914 года тургайский губернатор Эверсман подтверждает получение распоряжения МВД и поручает провести «негласное дознание» силами подведомственных чинов. Через три недели, 24 ноября 1914 года, Бабиш направляет развёрнутый отчёт (№ 1363) с результатами расследования. Документ представляет собой своего рода резюме политического досье на редакцию газеты «Казакъ»:

«Редактором этой газеты состоит киргиз Ахмет Байтурсунович Байтурсунов; секретарём – Мир-Якуп Дулатов, автор брошюры “Уян Казакъ”; среди сотрудников – Алихан Букейханов и Абубакир Алдиаров. Газета прогрессивная, с некоторой тенденциозной окраской» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 127–127об.).

Далее следует обстоятельное изложение биографий, прежних арестов и ссылок, ссылающееся на документы Семипалатинского и Тургайского губернаторов. В отчёте подчёркивается, что «газета Казакъ подвергалась взысканиям только один раз, но имеет значительное влияние (до 2500 экземпляров)».

Наиболее примечательна заключительная часть донесения Бабиша, где он прямо выражает сомнение в подлинности заявителей: «Я сомневаюсь, чтобы это прошение было подано доверенными киргиз, т. к. они не указывают своих адресов, не представляют полномочий, и фамилии их никому не известны» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 127).

Несмотря на это, сам факт сомнения не вёл к прекращению дела. Наблюдение продолжалось, а «дело Байтурсунова и Дулатова» оставалось под контролем полиции вплоть до 1916 года. Таким образом, бюрократическая система демонстрировала самовоспроизводимость подозрения – даже при отсутствии доказательств.

Содержательно переписка показывает, что власть реагировала на доносы в рамках устоявшегося административного ритуала. В каждом из писем повторяются одинаковые формулы: «прошу уведомить о результатах», «препровожаю при сем копию прошения», «поручаю произвести негласное дознание». Эти канцелярские клише свидетельствуют о том, что бюрократическая машина не столько искала истину, сколько воссоздавала сам процесс контроля, превращая подозрение в перманентное состояние.

Копия
Секретно. *114*

НАЧАЛЬНИКЪ
ОРЕНБУРГСКОГО
ГУБЕРНСКАГО
АНДАРМСКАГО
УПРАВЛЕНІЯ
№ 1237

По дѣлу киргизъ Калія НУРУМОНЪ Мосуль
ДСУНОВА, и др., образовавшаго, съ прошеніемъ къ г.
Мин. Вн. Дѣл., въ комѣ указывается на противоправ-
дливость и курбство дѣятельности редактора газеты
"Казакъ" и др. лицъ, указывая Вамъ Превосходи-
тельству, что редакторамъ этой газеты состоятъ
киргизъ ИБ ауда, Туусуновъ всл., Тургайскаго у.,
Ахмедъ Байтуруновъ въ БАЙТУРСУНОВЪ; Байтуру-
новъ былъ 1-го іюля 1909 года въ гор. Каракалахъ
Семипалатинской обл., гдѣ онъ былъ заведеннымъ
русско-киргизскими школами, и привлеченъ къ по-
роченію въ порядкѣ положенія о государственной
охранѣ коимъ было установлено, что начиная съ
1905 года онъ какъ въ Каракалахъ, такъ и при
разныхъ мѣстахъ по разнымъ школамъ, ввухалъ кирги-
замъ не платить податей и на въ какомъ случаѣ
не переходить на крестьянское положеніе и
крошъ того распространялъ среди нихъ воззванія
преступнаго содержанія, а волостнымъ управле-
ніемъ ввухалъ не собирать недоимокъ, указывая на
то, что въ Россіи на крестьянскихъ земляхъ миліоны
и мильоны на это ничего не дѣлаютъ; по раз-
смотрѣніи этой переписки Мин. Вн. Д. постановле-
но было воспретить Байтурунову хателство въ
Стенномъ краѣ, Семирѣченской и Тургайской обл.-
стяхъ на два года, считая срокъ съ 10-го марта
1910 года. Срокъ своего надзора Байтуруновъ
отбывалъ въ Оренбургѣ. По прибытіи сюда онъ въ
теченіи нѣсколькихъ лѣтъ служилъ по волостному
наму въ Тургайско-Уральской переваленческой
парти, а съ 5-го января состоятъ редакторомъ
киргизской газеты "Казакъ". Сначала эта газета
редактировалась однимъ Байтуруновымъ, но затѣмъ
образовалось товарищество "Сабаты" и въ дѣлѣ

ГОСПОДИНУ ТУРГАЙСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ .

приняла участіе и другія лица. Секретаремъ въ редакціи все вре-
мя состоятъ - Миръ Якубъ ДУЛАТОВЪ, это киргизъ Тургайской обл.,
авторъ брошюры "Уинъ Казакъ" /пробуждалъ киргизъ/, бывшій пред-
водитель Мироваго суда въ 2-го участка Петропавловскаго уѣзда,
6-го іюня 1911 г. Дулатовъ былъ арестованъ въ Семипалатинскѣ, съ
прибылѣмъ съ цѣлью распространенія своей брошюры, и привлеченъ къ
дознанію по обвиненію въ н. 129 ст. Угол. Улож., результатомъ
коего по приговору Семипалатинскаго Окружнаго Суда былъ осужде-
нъ къ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ, безъ зачета предва-
рительнаго семейнаго заключенія, какое наказаніе и отбывъ 29
декабря 1912 года, послѣ чего прибылъ въ Оренбургъ на хателство
и съ выходомъ газеты "Казакъ" сталъ ея сотрудникомъ.

"Казакъ" - газета прогрессивная, съ нѣкоторою тенденціею
окраской, расходится въ настоящее время въ количествѣ 2500 экз.,
административнымъ вѣдомствамъ была подвергнута только одинъ
разъ - въ теченіе года; изъ крупныхъ сотрудниковъ известны:
Алжикъ БУКЕИХАНОВЪ, бывш. чл. I-ой Г. Д., спеціальность по аграрному
вопросу степныхъ областей, Миръ Якубъ ДУЛАТОВЪ - молодой раз-
нистъ и Абулбакър АЛДІАРОВЪ - пичуцѣй по вопросамъ медицины.

Переходя къ содержанію прошенія поданнаго на имя г. Мин.
Вн. Дѣл. я долженъ сказать, что я сомнѣваюсь, чтобы это прошеніе
было подано доверенными киргизъ Тургайской и Уральской области
т. к. означенные въ прошеніи доверенные, очевидно хотѣли укрѣ-
пить себя, не указывая своихъ адресовъ и не говоря о томъ, какому
уѣзду, волости или аудѣ, также не представляя никакого доку-
мента удостовѣряющаго ихъ полномочія, такъ какъ изъ ничего не
говорятъ, т. к. они ни агентурѣ, ни кому либо изъ мѣстныхъ обра-
тителей не известны. При открытіи газеты "Казакъ" издателемъ ея
былъ Нустанъ УРАЗАЕВЪ, проживавшій въ предѣлахъ Сыр-Дарьинско-
го округа, затѣмъ изданіе ея перешло въ руки Байтурунова, а въ
подлинное время - къ товариществу изъ 20 лицъ, нѣмалокихъ знате-
лей въ киргизскихъ дѣлахъ; въ числѣ ихъ нѣкоторое время состо-
итъ и переводчикъ при Тургайскомъ Областномъ Правленіи Мухаммадъ
Тунганчанъ; участіе же Кадырбаева сомнительно. Далѣе въ прошеніи

Рис. 11, 12. Письмо начальника Оренбургского губернского жандармского управления Г.П. Бабича от 24 ноября 1914 года № 1363 на номер 1237 Тургайскому губернатору М.М. Эверсману
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 127–127об.

...говоритъ, что дѣлать поддержку, пользуясь своимъ положеніемъ
судьи, переводчикъ Оренбургскаго Окружнаго Суда, Мин. Вн. Дѣл.
секретаря Тенерскаго уѣзда бывшаго киргизскаго переводчика
Ибрагима ИМАДАНОВЪ, но по докладу первого изъ нихъ известно, что онъ дол-
женъ перевести судъ нѣкогда не закончилъ, а былъ
съ нѣмъ с. г. г. когда въ судѣ ужеъ проходилъ переводчикъ ШАКАЕВЪ
въ Удмуртскѣ, а для выдѣльной сессіи суда въ гор. Тургай переве-
дчикъ былъ переводчикъ, но судъ временно прекратилъ въ качествѣ пе-
реводчика, покуда Тургайского Областнаго Правленія Валентина; о томъ
дѣлѣ, съ судей въ Тургай и далѣе черезъ 10 окт. вернувшись въ
Губ. Правленіе. Оттуда на киргизское населеніе могло ука-
зать, что Оренбургскій Окружной судъ на такое короткое время пре-
кратилъ въ себя Валентина, во всякомъ случаѣ объ этомъ могла
знать только киргизъ гор. Тургай, а не киргизъ, дѣлать другъ обла-
стей, которые могли бы узнать своихъ доверенныхъ на этотъ фактъ.
Во всякомъ случаѣ Кадырбаевъ не есть ед. авторитетное лицо, ко-
торое могло бы оказать существенное вліяніе на киргизъ въ пользу
Байтуруновскихъ; что же касается Ибрагима, то онъ, окончивъ указав-
шій поступилъ на службу всего около года тому назадъ и я сом-
нѣваюсь чтобы онъ на такой короткій срокъ могъ приобрести авторитетъ
среди киргизъ и оказывать на нихъ какое либо вліяніе.
Что касается интеллигентности киргизъ, то въ печати по этому поводу
существуетъ два теченія: иждивеніемъ въ Провѣд. Куріалъ "Ар-Шей"
въ общемъ мнѣніи, что киргизамъ лучше получить 15 дес. земли и пе-
рестать на осѣдлой образъ жизни, а газета "Казакъ" - провозгласилъ
что киргизамъ было бы лучше вѣсти по прежнему осѣдлой образъ жи-
зни въ предѣлахъ земли, которая будетъ отведена привѣтливо, т.
е. киргизскій народъ въ своемъ болѣе развитомъ правѣ закннматься толь-
ко скотоводствомъ. Въ прошеніи указывается что Байтуруновъ и
Дулатовъ по своимъ единичнымъ лицамъ убѣждаютъ киргизъ, что насто-
ящая земля должна окончителю побѣдою имѣть, которыхъ поддержи-
вать необходимы турки и по этому συμβутъ киргизамъ ничего не
считать въ пользу русскихъ воляемъ, но ни всѣмъ отлично знаютъ что
Ибрагима и видѣлъ съ какими рвеніемъ откликутся киргизы на это
любое дѣло. Далѣе, когда было подано это прошеніе, т. е. 30-го ав-

густа, то въ то время на Байтурунова, ни его единичнымъ лицамъ
было еще известно, что 16-го октября турки объявятъ нападеніе на
не черноморское побережье и такимъ образомъ примутъ активное участіе
въ войнѣ на сторонѣ немцевъ. Затѣмъ доверенные отъ своихъ проше-
нія указываютъ, что она не обращается на къ Тургайскому, ни къ Орен-
бургскому губернаторамъ по различнымъ причинамъ, а между тѣмъ это
не такъ и въ дѣлѣтельности они обращаются съ аналогичнымъ проше-
ніемъ къ Оренбургскому губернатору, но только разнѣка въ томъ, что
въ прошеніи на имя Мин. Вн. Д. она называетъ себя доверенными киргизъ
Тургайской и Уральской обл., а въ прошеніи на имя Оренбургскаго гу-
бернатора поданное ими 2-го сентября с. г. они просто называютъ себя
киргизами, хотя оба прошенія и подписаны однимъ и тѣмъ же лицомъ.
Вообще же оба эти прошенія сильно расходятся съ дѣлѣтельностью
и поному вызвали каковъ либо мнѣніе незнакомца лица, нѣмалокого
личнаго съ Байтуруновскихъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: переписка на трехъ листахъ.

Генераль-Маіоръ *Г.П. Бабичъ*
Секретно

ГОСПОДИНУ ОРЕНБУРГСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ .

Въ дополненіе сообщенія моего, отъ 29-го октября с. г. за № 7179,
препровождая настоящую копию для свѣдѣнія Его Превосходитель-
ства по аналогичному прошенію тѣхъ же киргизъ на имя г. Мин.
Вн. Дѣл.

Н-къ Оренбургскаго
Губ. Жанд. Упр., Генераль-Маіоръ *Г.П. Бабичъ*

24-го ноября 1914 г.
№ 1363-л

Рис. 13, 14. Письмо начальника Оренбургского губернского жандармского управления Г.П. Бабича от 24 ноября 1914 года № 1363 на номер 1237 Тургайскому губернатору М.М. Эверсману
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 128–128об.

С этой точки зрения, дело против газеты «Казакъ» демонстрирует типичную для колониальной империи ситуацию: инициированный снизу донос становится административным фактом, который обязан породить бюрократическую активность. Даже если «доверенные киргизы» никогда не существовали, их текст был достаточно реальным для того, чтобы стать частью полицейского архива.

Таким образом, реакция имперских властей на доносы 1914 года показывает не только иерархию надзора, но и институциональную зависимость системы от практики доносительства. Каждый подобный случай усиливал власть аппарата, легитимировал существование жандармского наблюдения и подтверждал необходимость дальнейшего контроля за «неблагонадёжными элементами». В этом смысле бюрократическая обработка доносов выступала не инструментом правосудия, а механизмом постоянного воспроизводства имперской дисциплины.

4.4. Донос как элемент колониального механизма надзора

Архивные материалы, рассмотренные в статье, позволяют реконструировать конкретный эпизод функционирования имперской системы политического контроля в колониальной периферии Российской империи. «Кампания доносов» 1914 года против редакции казахской газеты «Казакъ» выявила несколько структурных особенностей этой системы.

Во-первых, донос выступал не частной инициативой, а институционализированной практикой, встроенной в механизм имперского управления. Независимо от достоверности сведений, каждое подобное обращение автоматически включалось в бюрократический цикл – от местного губернатора до Департамента полиции. Эта автоматизация превращала подозрение в административную норму.

Во-вторых, текст доноса выполнял функцию медиатора между властью и обществом. Он был написан языком покорности, но содержал обвинительную энергию, направленную на устранение новых интеллектуальных лидеров казахского общества. Таким образом, донос представлял собой форму письменного сотрудничества колонизированных с колонизатором, где лояльность выражалась через инициативное воспроизводство имперского дискурса.

В-третьих, рассмотренные документы демонстрируют, что имперская бюрократия нуждалась в доносе как в способе самооправдания. Проверка и пересылка обращений, даже явно анонимных, обеспечивали непрерывность полицейской деятельности, создавая иллюзию «бдительного контроля». В этом проявляется ключевая черта позднеимперского режима – зависимость аппарата власти от перманентного производства подозрения.

Наконец, исследованный случай показывает, что практика доносительства имела колониальный характер, заключавшийся в двойном переводе – культурном и административном. Местные авторы усваивали язык метрополии, а бюрократическая система превращала этот язык в юридическую реальность. В результате донос становился частью символической инфраструктуры империи, обеспечивая её существование через текст, страх и дисциплину.

Тем самым дело против газеты «Казакъ» иллюстрирует переход от репрессивной цензуры к саморегулируемому механизму контроля, основанному на инициативном письме подданных. Донос в этой системе был не отклонением, а нормой, не нарушением порядка, а самой формой его воспроизводства.

5. Заключение

История кампании доносов против газеты «Казакъ» в 1914 году выявляет фундаментальные механизмы функционирования позднеимперской административной системы. Событие, на первый взгляд локальное и эпизодическое, оказывается симптомом более глубоких процессов – институционализации подозрения и трансформации коммуникации между государством и подданными в эпоху кризиса имперского порядка.

Архивные документы в настоящем исследовании демонстрируют, что надзор в колониальной степи строился не только на силе или законе, но прежде всего на тексте. Письмо – будь то донос, прошение или рапорт – выступало медиатором власти, превращая частное высказывание в элемент государственной процедуры.

В случае с газетой «Казакъ» донос стал инструментом институционального самоподтверждения бюрократии. Отсутствие фактов не ослабляло подозрение, а напротив, укрепляло его как форму административного существования. Тем самым проявлялась типичная черта имперского управления – способность поддерживать контроль через производство документов, независимо от их истинности.

Рассмотренные материалы показывают, что имперская система не просто наблюдала за своими подданными – она создавала их заново в собственных текстах. Для Байтурсынова и его современников эта практика означала не только личное испытание, но и момент исторического перехода: из традиционного общества, где власть воспринимается как внешняя сила, к обществу, в котором власть формируется через письмо и знание.

В этом смысле дело «Казакъ» – не частный эпизод казахской истории, а ключ к пониманию логики позднеимперского государства. Оно показывает, как административное подозрение стало универсальным языком империи и как именно этот язык обеспечивал её долговременность, но одновременно – подготавливал условия для её распада.

Литература

- Боранбаева, 2014** – Боранбаева Б. Гумар Караш. Общественно-политическая деятельность. Алматы: Издательство «Арыс», 2014. 232 с. [на каз. языке].
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Ибраев и др., 2022** – Ибраев Е.Е., Легкий Д.М., Табулденов А.Н. «Дальнейшее наблюдение за ним установлено». Ахмет Байтурсынов под надзором царской охраны (1907-1910 годы) // *Отан тарихы*. 2022. №2 (98). С. 123-133. DOI: 10.51943/1814-6961_2022_2_123
- Койгельдиев, 2008** – Койгельдиев М.К. Движение Алаш. Алматы, 2008. 468 с.
- Королев, 1996** – Королев С.А. Донос в России социально-философские очерки. М.: Прогресс-Мультимедиа, 1996. 237 с.
- Нурпеисов, 1995** – Нурпеисов К.Н. Общественно-политическая деятельность казахской интеллигенции (конец XIX – начало XX вв.). Алматы, 1995. 246 с.
- Эткинд, 2013** – Эткинд А.В. Внутренняя колонизация: имперский опыт России. М., 2013. 448 с.
- Absadyk et al., 2022** – Absadyk A. A., Boranbaeva S. B., Mukhitov K., Legkiy D. M. The Kazak newspaper and its opponents in the Kazakh society during the First World War // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1470-1481. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1470
- Anderson, 2006** – Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2006. 256 p.
- Ballantyne, 2012** – Ballantyne T. Webs of Empire: Locating New Zealand's Colonial Past. Vancouver: UBC Press, 2012. 376 p.
- Brower, Lazzarini, 1997** – Brower D.R., Lazzarini E.J. (Eds.). Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 368 p.
- Burbank, Cooper, 2010** – Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010. 528 p.
- Legkiy et al., 2024** – Legkiy D.M., Ibrayev Ye.Ye., Tabuldenov A.N., Turezhanova S.A. «So Far, No Charges Have Been Brought Against Him». Speech by the Russian Public in Defense of the Arrested Kazakh Poet A. Baitursynov in 1909 // *Bylye Gody*. 2024. 19 (2): 927-936. DOI: 10.13187/bg.2024.2.927.
- Stoler, 2009** – Stoler A.L. Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense. Princeton: Princeton University Press, 2009. 336 p.

References

- Absadyk et al., 2022** – Absadyk, A.A., Boranbaeva, S.B., Mukhitov, K., Legkiy, D.M. (2022). The Kazak newspaper and its opponents in the Kazakh society during the First World War. *Bylye Gody*. 17(3): 1470-1481. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1470
- Anderson, 2006** – Anderson, B. (2006). Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso. 256 p.
- Ballantyne, 2012** – Ballantyne, T. (2012). Webs of Empire: Locating New Zealand's Colonial Past. Vancouver: UBC Press. 376 p.
- Boranbaeva, 2014** – Boranbaeva, B. (2014). Gumar Karash. Obschestvennopoliticheskaya deyatelnost [Gumar Karash. Socio-political activities]. Almaty: «Aris». 232 p. [in Kazakh]
- Brower, Lazzarini, 1997** – Brower, D.R., Lazzarini, E.J. (Eds.). (1997). Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Bloomington: Indiana University Press. 368 p.
- Burbank, Cooper, 2010** – Burbank, J., Cooper, F. (2010). Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press. 528 p.
- Etkind, 2013** – Etkind, A.V. (2013). Vnutrenniaia kolonizatsiia: imperskii opyt Rossii [Internal colonization: the imperial experience of Russia]. M. 448 p. [in Russian]
- ГАОО** – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State Archives of the Orenburg Region].
- Ibrayev i dr., 2022** – Ibrayev, Ye.Ye., Legkiy, D.M., Tabuldenov, A.N. (2022). “Dal'neishee nabludenie za nim ustanovleno”. Akhmet Baitursynov pod nadzorom tsarskoi okhranki (1907–1910 gody) [“Further Surveillance of Him Was Established”: Akhmet Baitursynov under the Supervision of the Tsarist Secret Police (1907–1910)]. *Otan tarikhy*. 2(98): 123-133. DOI: 10.51943/1814-6961_2022_2_123 [in Russian]
- Koigeldiev, 2008** – Koigeldiev, M.K. (2008). Dvizhenie Alash [The Alash movement]. Almaty. 468 p. [in Russian]
- Korolev, 1996** – Korolev, S.A. (1996). Donos v Rossii: sotsial'no-filosofskie ocherki [Denunciation in Russia: Socio-philosophical Essays]. M.: Progress-Multimedia. 237 p. [in Russian]
- Legkiy et al., 2024** – Legkiy, D.M., Ibrayev, Ye.Ye., Tabuldenov, A.N., Turezhanova, S.A. (2024). «So Far, No Charges Have Been Brought Against Him». Speech by the Russian Public in Defense of the Arrested Kazakh Poet A. Baitursynov in 1909. *Bylye Gody*. 19(2): 927-936. DOI: 10.13187/bg.2024.2.927
- Nurpeisov, 1995** – Nurpeisov, K.N. (1995). Obschestvenno-politicheskaiia deiatel'nost' kazakhskoi intelligentsii (konets XIX – nachalo XX vv.) [The socio-political Activity of the Kazakh intelligentsia (late 19th – early 20th centuries)]. Almaty. 246 p. [in Russian]
- Stoler, 2009** – Stoler, A.L. (2009). Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense. Princeton: Princeton University Press. 336 p.

Административная культура подозрения: кампания доносов против газеты «Казакъ»

Ерден Ерназарович Ибраев^a, Гульмира Келдыбаевна Нурушева^{a, *}, Дмитрий Максимович Легкий^a, Акмарал Ериковна Ералина^a

^a Костанайский региональный университет им. Ахмета Байтурсынова, Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. В статье на архивных материалах Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) анализируется малоизвестный эпизод – «кампания доносов» 1914 года против редакции казахской газеты «Казакъ» и её руководителей А. Байтурсынова и М. Дулатова. Используя методы источниковедческого анализа и дискурс-анализа административных документов, авторы показывают, что донос в условиях поздней имперской России выступал не только формой частного политического преследования, но и частью институционализированного механизма колониального надзора.

Письма «доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей», направленные в Министерство внутренних дел и губернаторские канцелярии, демонстрируют стратегию самопозиционирования части местной элиты как лояльных посредников между «властью» и «тёмной массой». Прослеживается бюрократическая траектория этих обращений – от местных чиновников до департамента полиции, – выявляющая глубину включения периферийных регионов в систему имперского сыска. Сопоставление текстов доносов и официальных ответов позволяет реконструировать логику функционирования имперской административной культуры, в которой подозрение и донос становились основным инструментом контроля над национальными окраинами.

Ключевые слова: Российская империя, политический сыск, донос, газета «Казакъ», Ахмет Байтурсынов, Мыржакып Дулатов, колониальная политика, бюрократический контроль.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: erden-ibraev@mail.ru (Е.Е. Ибраев),
nauka_istkaz@mail.ru (Г.К. Нурушева), Legk_d@mail.ru (Д.М. Легкий)